

Глава 34. Да ты просто грабитель!

Юный Люциус с невозмутимым видом уплетал еду, принесённую домашним эльфом этого расфуфыренного франта. Стоит признать, стряпня Гаги оказалась отменной. Что же до недавней тирады самого Альберта — её Малфой проигнорировал с истинно аристократическим изяществом. Ишь чего удумал! С чего это он решил, что раз они друзья, то из Люциуса можно вить верёвки? Без личной выгоды он и пальцем ради этого павлина не пошевелит. К тому же магический круг восстановления находился прямо в его личной ванной комнате. И если не содрать за это приличную плату, то поползут слухи. Позволить чужакам узнать, что предок благородного семейства Малфоев додумался начертить магический круг восстановления в уборной? Не бывать этому.

Впрочем, переехать в другие покои он попросту не мог. Оставаясь здесь, Люциус по крайней мере контролировал уборку, поручая её Бете или Добби. Стоило ему съехать — и одному Мерлину известно, во что превратилась бы эта комната. Преданность домовиков не подлежала сомнению, но их причуды порой переходили все границы. Пока Люциус жил здесь, эльфы помнили строжайший запрет соваться в ванную. Но лишись они присмотра — и эти создания со своей извращённой эстетикой наверняка устроили бы там генеральную уборку, уничтожив все следы магии.

Альберт Забини с дёргающимся веком наблюдал за тем, как его собеседник неторопливо смакует обед, полностью его игнорируя.

«Среди всех Малфоев только этот новоиспечённый наследник способен на столь беспардонное нахальство, — тоскливо подумал Альберт. — Прежние поколения, конечно, славились скупостью, самовлюблённостью и были ещё теми мерзавцами, но до такого откровенного, наглого хамства прямо в лицо никогда не опускались»

Жить в одну эпоху с подобным типом — истинное проклятие. Смирившись с участью, Забини нацепил самую заискивающую мину на своё холёное лицо и уставился на жующего Люциуса в надежде привлечь хоть каплю внимания.

— Послушай, Люциус, у тебя теперь такой очаровательный домовик, неужели тебе жалко помочь другу? Мы ведь столько лет знакомы! Ну сделай милость, помоги преобразить мою Гагу, а?

Люциус мимолётом взглянул на приторно-сладкую гримасу Альберта. Пожалуй, теперь он понимал, почему Добби так пёкся о красоте. Действительно, смазливое лицо спасало Забини: даже такое откровенное подлизывание смотрелось вполне сносно. Будь на его месте кто-то менее симпатичный, зрелище вышло бы омерзительным.

С трудом проглотив кусок зелёного перца — овоща, который он ненавидел всей душой, — Люциус невозмутимо ответил:

— Мой дорогой Альберт, с чего ты взял, будто преображение Добби — моя работа? Вдруг это

спонтанная эволюция? Тебе стоит расспросить его самого, не находишь?

Аппетит ещё не был утолён, и тратить драгоценное время на пустую болтовню не хотелось.

Слушая этот лепет, Альберт едва сдерживал желание вырвать у него из рук вилку с ножом.

«И как в него только лезет? Скоро в двери не пролезет со своими щеками...» — раздражённо подумал он.

Вслух, разумеется, говорить подобное не стоило: малфоевское самолюбие не простило бы укола по поводу детской пухлости, и Люциус без раздумий спустил бы с него шкуру. К тому же Добби — личный слуга этого невыносимого мальчишки. Даже если дело не в магии Малфоев, подойти к чужому эльфу без разрешения хозяина — верх неприличия. Они всё-таки друзья, и устраивать заговоры за спиной товарища Альберт не собирался. И уж точно не из-за страха получить от Люциуса увесистый пинок. Абсолютно точно!

— Сделай милость, не держи меня за дурака, — хмыкнул Альберт. — Я не привык действовать вслепую. Сегодня утром пришло письмо из дома. Твой отец уже устроил грандиозный приём, щеголяя своей новой длинноногой красоткой-домовиком. Так что отрицать очевидное бессмысленно. Да даже если бы я захотел поговорить с Добби, мне всё равно нужно твоё согласие, верно?

«Чёртов старый павлин!» — мысленно выругался Люциус, пообещав себе устроить отцу сладкую жизнь.

Он бросил мимолётный взгляд на сияющего от предвкушения Забини и неторопливо отпил апельсинового сока.

— Полно тебе. Все знают, что мой старик в свои школьные годы завалил половину предметов в Хогвартсе. Разве можно верить его пьяной болтовне? И вообще, даже не думай приближаться к Добби. Я тебе этого не позволю.

Ещё чего не хватало! Добби хоть и сообразительнее остальных эльфов, но временами у него начисто отсутствовал инстинкт самосохранения. Забини — тот ещё проныра, обведёт глупого домовика вокруг пальца и глазом моргнуть не успеет. А если этот болтун сболтнет лишнего, пиши пропало.

«Ну погоди у меня, папаша, — мрачно размышлял Люциус. — Я тебя самолично отмою, надушу и отправлю Тёмному Лорду прямо в постель, раз уж ты так любишь светиться перед публикой! Информация — это деньги. Надеюсь, этот старый дурак не развязал язык под хмельком, иначе я ему наглядно покажу, почём фунт лиха!»

Альберт раздражённо закатил глаза, глядя на то, как Люциус ошетинился, словно дикобраз.

— Ты меня за кого принимаешь, за чуму болотную? С чего вдруг такая паранойя? Что мне красть у твоего домовика?

Даже если бы он и решился на какое-то непотребство, то явно не с уродливым ушастым существом. К счастью, извращенцем он не был.

Люциус окинул его взглядом: вычурный наряд, уложенные волосы, невольное, почти врождённое кокетство в каждом жесте. Он тяжело вздохнул. Доверять такому типу? Ну уж нет.

— Дорогой мой Альберт, будь мой эльф прежним сморщенным недоразумением, я бы и слова не сказал. Твоя нравственность, конечно, оставляет желать лучшего, но в изысканном вкусе тебе не откажешь. Однако Добби теперь выглядит иначе. И зная твои слабости ко всему прекрасному, я категорически против того, чтобы оставлять вас наедине. Понимаешь, к чему я клоню?

Альберт лишился дара речи.

«Под руководством этого мальчишки семейство Малфоев рискует подняться на абсолютно новые, доселе неизведанные вершины наглости. С каких это пор Люциус стал столь... прямолинейным? Когда Малфой окончательно теряет стыд, для него больше не существует преград в этом мире»

Уязвлённый до глубины души Альберт молча наблюдал, как Люциус неторопливо доедает обед, с поистине королевской грацией промакивает салфеткой уголки губ, а затем притягивает к себе Добби, устраивая его в объятиях вместо мягкой подушки. Наконец, развалившись в кресле с максимально независимым видом, Малфой соизволил вернуться к делу:

— Итак, ты хочешь, чтобы твоя Гага стала такой же, как Добби?

Дождавшись этого вопроса, Забини поспешно закивал, полностью проигнорировав несчастный вид своей эльфийки, которая от этих слов едва не лишилась чувств.

«Иметь при себе столь обворожительного слугу — истинное блаженство, — размышлял Альберт. — Да, у домовиков свои дикие понятия о красоте, но ведь фарш обратно не прокрутишь. Раз уж преобразование свершится, пути назад не будет. Со временем мы привыкнем к её правильному вкусу. В конце концов, чувство прекрасного — дело наживное»

Стоявшая позади хозяина Гага едва сдерживала слёзы, наполнившие её огромные глаза навывкате. Возразить любимому господину она не смела, а потому всю свою ярость направила на Добби, доверчиво приникшего к Люциусу. Она буквально испепеляла его взглядом. Всё из-за этого проклятого выскочки! Не стань он нормальным, хозяевам и в голову бы не пришло подвергать остальных эльфов этой мучительной процедуре.

«Гадкий, мерзкий паршивец! — исходила злобой Гага. — Мало того, что сам лишился привычного облика, так ещё и выставил это напоказ перед волшебниками! Зачем нужно было мозолить глаза господам?»

Она знала, что вчера вечером все чистокровные студенты Хогвартса вызвали своих личных домовиков и устроили им допрос с пристрастием. Сегодня утром бедные эльфы встретились на кухне с красными, распухшими от слёз глазами. И виной всему был этот ненормальный Добби!

Добби безвольно лежал на руках у Люциуса, чувствуя себя совершенно замученным. Ненавидящие взгляды сородичей допекли его до печёнок. Вчера всё было терпимо, но сегодня сквозь барьеры их спальни то и дело проскальзывали чужие домовики. Они появлялись на долю секунды, смеривали его испепеляющим взглядом и бесшумно исчезали. В их глазах читалась первобытная ярость.

В поместье Малфоев на него тоже косились, но тамошние слуги были обычными чернорабочими. Как говаривал взбалмошный предок с портрета, лишь самые сильные и одарённые домовики способны вернуть себе древний облик, а их сила напрямую зависит от прочности родового контракта. В Хогвартс же прибыли исключительно личные, элитные слуги молодых аристократов. Магический потенциал у этих тварей был на порядок выше, а потому их безмолвная ментальная атака причиняла Добби реальную головную боль. Его это жутко бесило. А уж когда стоявшая рядом Гага уставилась на него, смешав в одном взгляде презрение, ярость, обиду и горькую укоризну, терпение эльфа окончательно лопнуло.

Когда мерзкая девчонка в очередной раз уколола его своим ядовитым взглядом, Добби вскипел. Они что, всерьёз решили, будто его молчание — это слабость? Да в своё время он в одиночку построил по струнке всю челядь в малфоевском поместье! Неужели эти зажавшиеся хогвартские неженки возомнили, что могут диктовать ему условия?

Резкий взмах ладони — и под ошарашенным взглядом Люциуса стоявшая позади Забини эльфийка с писком отлетела в сторону, смачно размазавшись по стене. Добби пока ещё плохо контролировал возросшую магическую силу, но чтобы проучить наглую девку, ювелирная точность и не требовалась.

Глядя на сползающую по обоям Гагу, Добби хищно оскалился, растеряв всё своё напускное очарование:

— Слышь, чучело, поубавь гонор. Какого хрена вы все ко мне со своими соплями ломитесь? Моя внешность — моё личное дело! Это ваши хозяева спятили и хотят вас переделать, а не я! Есть претензии — идите и высказывайте им в лицо, недоноски ушастые!

Ишь, решили, что раз он стал миловидным, то зубы растерял? Как бы не так!

Сползшая со стены Гага от таких оскорблений едва не задохнулась от ярости. Она уже готова была броситься на этого наглого паршивца и выдрать ему уши, но, поднявшись, наткнулась на суровый, предостерегающий взгляд своего хозяина. Пламя гнева мгновенно угас,

сменившись страхом. Она не была ни Добби, ни Бетой, за которыми стоял весь род Малфоев. И уж тем более не являлась свободной хогвартской обитательницей. Даже будучи личным домовиком, переступать черту дозволенного в присутствии господина она не смела. Багровея от бессильной злобы, Гага послушно встала у плеча Альберта и низко опустила голову.

Альберт Забини задумчиво поскрёб подбородок, разглядывая устроившегося на коленях Люциуса домовика.

«Да уж, вчерашние эльфы казались дикими, но этот экземпляр превзошёл их всех вместе взятых по степени агрессивности»

Люциус тяжело вздохнул и ободряюще потрепал Добби по голове, мягко пресекая его попытки вырваться.

— Добби, ну кто так делает? Ну что за манеры? Если тебе хочется кого-то прибить, делай это без свидетелей. Ты устраиваешь мордобой прямо на глазах у хозяина эльфа! Ты хоть представляешь, в какую сумму мне обойдётся компенсация? В следующий раз держи себя в руках. Дождись, пока этот несчастный останется один, и тогда калечь сколько душе угодно. Всё равно его словам никто не поверит. Эх, столько лет тебя учил, а ты всё туда же... Разоритель ты мой.

Альберт, поначалу решивший, что Люциус наконец-то взялся за ум и решил призвать слугу к порядку, при звуках второй части тирады лишь устало вздохнул. Всё встало на свои места. Малфои оставались верны себе: до мозга костей прижимистые, эгоистичные и фантастически преданные своей привычке защищать «своих», даже если те вконец обнаглели. Виноватыми у них всегда оказывались другие.

Потирая разболевшиеся виски, Забини хмуро процедил:

— Люциус, тебе не кажется, что сейчас не лучшее время для лекций по бесконтрольному насилию? И даже если ты решил его поучить, сделай одолжение, не делай этого при мне. Твои практические советы по избиению моих слуг заставляют меня чувствовать себя крайне неловко.

Люциус лишь захлопал ресницами, уставившись на него с таким выражением лица, словно искренне недоумевал, почему этот надоедливый гость до сих пор не испарился из его спальни. Альберт судорожно сжал кулаки, едва сдерживая порыв выхватить волшебную палочку. Лишь горькое осознание того, что в дуэли против этого мелкого монстра у него нет ни единого шанса, уберегло его от глупостей.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Забини. — Просто ответь: ты pomoжешь мне или нет?

Люциус лениво потискал Добби за щёку, заставив того недовольно надуться.

— Отчего же нет? Конечно, помогу! Но, мой дорогой Альберт, раз уж ты получил весточку из дома, то наверняка понимаешь: преобразование домашнего эльфа — процесс невероятно тонкий, энергозатратный и опасный. На сегодняшний день секретом этой магии владеет исключительно род Малфоев. А потому цена вопроса... — Люциус поднял глаза на Альберта, который уже почувствовал неладное. — Сам понимаешь, монополия — двигатель торговли и залог баснословных прибылей.

Забини молча созерцал эту довольную, сияющую физиономию. Делать деньги буквально из воздуха — то ли малфоевское воспитание принесло свои плоды, то ли страсть к золоту у них была прописана на уровне крови. Сдавшись, он обернулся к Гаге. Наткнувшись на её уродливую, искажённую обидой морду, он содрогнулся и поспешно отвернулся.

— Ладно, вымогатель, — обречённо вздохнул Альберт, словно поднимаясь на эшафот. — Выкладывай свою цену.

Люциус с самым невозмутимым видом поднял свою холёную маленькую ладонь и четырежды растопырил пальцы перед лицом друга.

— Двадцать тысяч галлеонов за попытку. И без каких-либо гарантий на успех!

— Да тебе только грабить! — взревел Забини, вытаращив глаза на улыбающегося Малфоя.

В этот момент он готов был задушить этого мелкого, бесстыжего спекулянта собственными руками.

<http://bllate.org/book/18185/1761009>